

■ КРАЕВЕДЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. НАЧАЛО

Зарождение русской науки связано напрямую с историей Васильевского острова. Учреждение Академии наук, открытие Академического университета и гимназии способствовали появлению «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов».

«Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции, медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают». Указом от 28 января 1724 года было объявлено об учреждении Академии наук и художеств, о чем Петр Великий задумался еще во время Великого посольства. Проект, составленный лейб-медиком императора Лаврентием Блюментростом, рассмотренный и одобренный Петром, включал Академию, Университет и гимназию как части многоступенчатого заведения. Академия планировалась для работы «ученых мужей» по накоплению и преобразованию знаний, Университет — для обучения юношества наукам, а гимназия — для подготовки будущих способных студентов. Академики-иностранцы должны были иметь русских учеников и наряду с научными исследованиями читать публичные лекции. В 1747 году был принят Регламент Императорской Академии наук и художеств в Петербурге, который гласил, что «Академия наук разделяется на Академию собственно и на Университет».

УЧЕБНЫЕ КЛАССЫ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

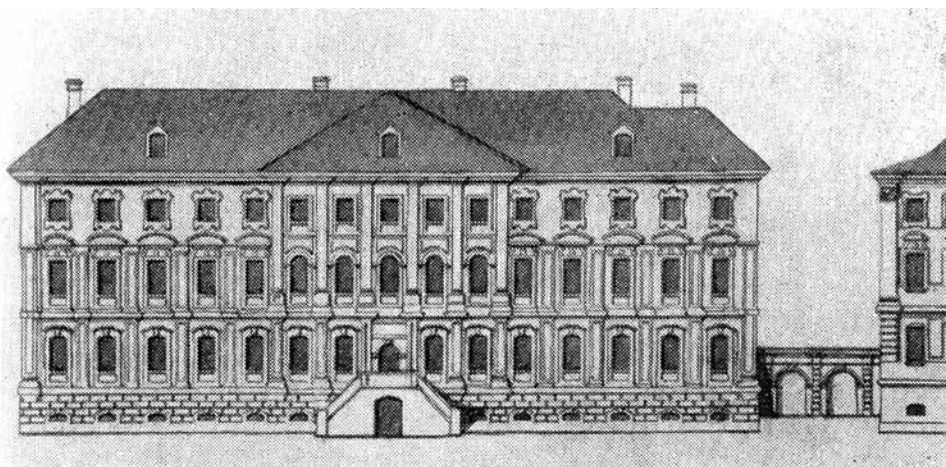
Стрелка Васильевского острова в начале XVIII века имела неблагоустроенный вид: жилые дома, портовые сооружения, склады, амбары. Но уже строилась Кунсткамера, где разместились библиотека, астрономическая обсерватория, анатомический театр, Готторпский глобус. Во дворце Прасковьи Федоровны (Университетская набережная, д. 1) проходили заседания конференции Академии наук и учебные лекции для студентов Университета. Еще здесь находились физический кабинет, географический департамент, книжная лавка, типография, «палаты» художественных ремесел. Образованные вместе с Академией Университет и гимназия не имели собственного здания, а переходили из одного помещения в другое.

Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры на углу набережной Большой Невы и 15-й линии в 1723 году прикупило соседний каменный дом Нарышкиных, построенный Леблоном «для именованных». В 1756–1765 годах Академия наук арендовала это помещение для Университета и гимназии. Общий дом осматривал Ломоносов и возмущался внешним порядком и покоями студентов. Он занимался и материальным обеспечением студентов, их питанием. Но здание требовало ремонта, и учреждения перевели на Стрелку в дом Строгановых, который стоял на месте Биржевого проезда на набережной Макарова напротив моста.

Соседние особняки Строганова и Демидова были представительными: трехэтажными, на подвалах, большой протяженности по фасаду, с высоким двухмаршевым крыльцом. По своему облику они были характерны для Петербурга первой трети

Дворец Прасковьи Федоровны

Дом Строганова на Стрелке

XVIII века и обращены фасадом к разливу Невы. Дом Строганова выглядел очень нарядным и был просторным. В нем разместились и Университет, и гимназия. Они занимали эти помещения до сноса дома в 1800-х годах. В 1747–1757 и 1765–1800 годах здесь шли занятия студентов, была устроена аудитория, куда перенесен физический кабинет, где профессор Рихман устроил темную камеру для опытов.

В 1748 году на участке по 2-й линии, д. 43, принадлежащем Академии, завершилось строительство химической лаборатории Ломоносова. В учебных комнатах ученый читал лекции универснтам.

Наиболее одаренные студенты Университета обучались по индивидуальным планам. Среди выпускников Академического университета — действительные члены Академии наук, профессор и адъюнкт: физик Георг Вильгельм Рихман, астрономы Петр Иноходцев и Степан Румовский, математик Семен Котельников, естествоиспытатели Василий Зуев и Николай Озерецковский, путешественник и лексикограф Иван Лепехин и другие.

«РУССКИЙ, СОИЗВОЛИВШИЙ ПОРАБОТАТЬ НАД СОБОЙ»

Одним из первых одаренных российских студентов был русский ученый-математик и филолог-русист Василий Евдокимович Адодуров. Он изучал точные и естественные науки, латинский, немецкий и французский языки. Помимо математических исследований у Бернулли и Эйлера, он занимался канцелярской работой. Адодуров пере-

В. Е. Адодуров

водил на русский язык книги по заказу Академии, научные труды историка Байера, корректировал русскую часть немецко-русского словаря Вейсмана и для него составил очерк русской грамматики на немецком языке. В 1733 году он стал первым русским действительным членом Академии наук и преподавал в Университете «грамматику славенскую и латынь», обучал Михаила Ломоносова и Екатерину II.

В 1740 году он составил грамматику — одну из первых русских (не церковнославянских) грамматик, разработанных носителем языка для носителей. По отзыву английского посла Чарльза Уильямса, обладал «умом, образованием, прекрасными манерами». В науке Василий Адодуров проявил себя как настоящий ученый-энциклопедист: был блестящим математиком, писателем, переводчиком, исследователем русского языка. На 10-й линии в доме поручика морского флота Желобовского Академия наук снимала для него квартиру.

«СЛУЖУ Я РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ»

Первым ректором Петербургского университета в 1748 году стал историограф Федор Иванович (Герхард Фридрих) Миллер, принявший русское подданство. Спустя год после приезда в Россию он получил должность преподавателя латинского языка, истории и географии в Академической гимназии. Став профессором и действительным членом Академии, начал читать лекции студентам. Его отличала неутомимость и педантичность в работе. Миллер, составляя ежегодные учебные планы лекций, включал в них новые учебные дисциплины, не предусмотренные Регламентом Академии наук 1747 года. Заботился о подборе преподавателей и жалованье для них, хлопотал о ремонте и приспособлении помещений для лекций и занятий студентов, выписывал необходимые книги и инструменты. Кроме того, выступал за наведение порядка в студенческой жизни, даже создал правила поведения в студенческом общежитии, где запрещалось распитие вина, курение, игра на деньги, драки и тому подобное. В доме Строгановых на Стрелке Васильевского острова были устроены аптека и лазарет для больных студентов. А чтобы универснты за провизией по рынкам не ходили и сами не стряпали, на службу был взят повар. Для оповещения студентов и преподавателей о начале и конце лекций во дворе был повешен колокол. Миллер следил за учебными занятиями студентов и хорошо знал каждого, о чем свидетельствуют характеристики и отчеты об успехах, важным стимулом в учебе считал поощрение наиболее даровитых из студентов. Поиск студентов был предметом особых забот руководства Академии и Университета. Студентов отбирали в духовных семинариях. Миллер стремился расширить состав учащихся. Для привлечения в Университет молодых дворян он предложил открыть для них специальный пансион. Этот педагогический проект

Герхард Фридрих Миллер, русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник. Действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге

носил название «Проект пансиона для детей знатных особ при Академии наук». Добросовестно, вникая в каждую мелочь, Миллер исполнял обязанности ректора. В свое время он возглавлял Академический отряд Второй Камчатской экспедиции, в составе которой были астроном Делиль и студент Крашенинников, который стал преемником Миллера на университетском посту.

«СВОИМИ ТРУДАМИ И ЗАСЛУГАМИ СДЕЛАЛ СЕБЯ ДОСТОЙНЫМ»

Степан Крашенинников, Санкт-Петербургской академии наук профессор ботаники и натуральной истории. Портрет работы А. А. Осипова, 1801 г. Гравюра пунктиром

Во второй половине 1730-х годов Академический университет и гимназия фактически свернули деятельность. Для возобновления процесса потребовалась энергия Ломоносова, которого поддерживал географ, исследователь Сибири и Камчатки, сын московского солдата Степан Петрович Крашенинников. Он учился в Академическом университете, а после был зачислен в состав Второй Камчатской экспедиции. Молодой ученый на основе научных исследований написал знаменитую книгу «Описание земли Камчатки». После возвращения сразу приступил к работе в Ботаническом саду Академии

наук и вскоре стал его директором. Сад находился рядом с Боновым домом на участке под № 43 по 2-й линии.

С 1745 года Крашенинников адъюнкт, через пять лет — профессор натуральной истории и ботаники Петербургской академии наук, инспектор гимназии и ректор Университета, куда привлек Ломоносова к преподаванию химии. Управляя академическими заведениями, Крашенинников расширил обучение иностранным языкам, ужесточил систему надзора за учащимися. Он входил в группу ученых Академии наук, разделявших взгляды Ломоносова и способствовавших созданию русской науки и культуры, выступил сторонником приобщения народа к «наукам и художествам». Похоронен ученый был на кладбище Благовещенской церкви между 7-й и 8-й линиями.

«ОН БЫЛ ПЕРВЫМ НАШИМ УНИВЕРСИТЕТОМ»

После смерти Крашенинникова в 1760–1765 годах Университетом и гимназией, расположенными у Биржевого моста, руководил Михаил Васильевич Ломоносов.

Он стал студентом Университета в 1735 году. Первые месяцы ученики жили в здании Академии наук (в стенах Кунсткамеры), перестроенном после пожара. Для студентов были наняты палаты на «общем монастырском дворе», принадлежавшем Новгородской епархии («Двор новгородских семи монастырей»). Здание находилось «на Васильевском острове, в первой линии, идущи от Большой Невы реки на левой стороне». По другим сведениям, сам двор находился «подле кадетского корпуса» на месте Румянцевского сада. Для студентов были куплены простые деревянные кровати с тюфяками, по одному маленькому столу и стулу, на всех — три платяных и три книжных шкафа. Им были выданы необходимые одежда, обувь, белье. Пробел в их образовании — незнание немецкого языка — был распространенным в Академии, потому занятия начались с уроков

Христиана Германа. Под руководством Василия Адодурова Ломоносов изучал математику, самостоятельно — стихосложение. И уже в 1746 году Ломоносов впервые читает публичные лекции по физике на русском языке, а в химической лаборатории знакомит студентов Университета с физической химией.

Копия единственного прижизненного портрета М. В. Ломоносова работы Г. Преннера. Автор портрета Л. С. Миропольский. 1787 г. Холст, масло

С конца 1750-х Ломоносов занимается устройством Академических университетов и гимназий, составлением уставов, отстаивая права низших сословий на образование. Он полагал, что Университет должен иметь три факультета: юридический, медицинский и философский. Обучались студенты три курса: на первом ходили на все лекции, чтобы иметь понятие обо всех науках и чтоб всякий сам мог видеть, к чему он имеет склонность; на втором — только на избранные ими науки; на третьем — определены к одному профессору, под руководством которого становятся специалистами по данной науке. Ломоносов устроил общежитие и столовую для гимназистов и студентов, настаивал на свое-

временной выдаче денег на содержание учащихся. Он сочинил регламенты, где особое внимание было обращено на привилегии — присуждение ученых степеней, снятие полицейских тягостей, увольнение на каникулярные дни, составлен порядок торжественного провозглашения привилегии, или «инавгурация».

19 января 1760 года подписан ордер президента Академии наук Разумовского, по которому весь распорядок Университета и гимназии поручается «одному Ломоносову» как ректору. Им была улучшена материальная база. В Университет поступили 24 гимназиста, среди них Иван Лепехин, Петр Иноходцев, Иван Миллер, Георг Вильгельм Рихман. Профессора Университета составляли учебники и пособия на русском языке, регулярно читали лекции, писали статьи — наука заговорила на русском языке. На адрес Университета стала приходить корреспонденция, упоминание Университета было и в описаниях бюджета Академии, и в протоколах заседаний академиков.

В 1819 году Санкт-Петербургский Императорский университет был воссоздан вне системы Академии наук. Историк Анатолий Иванов сказал: «Фактическое основание Академического университета состоялось с открытием Академии наук и художеств. Юридическое утверждение его статуса состоялось в 1747 году с введением в действие Регламента Академии наук и художеств... Факт действия статуса Академического университета до начала XIX века красноречиво говорит о преемственной связи этого учебного заведения с Петербургским университетом».

Петербургский университет стал альма-матер для многих выдающихся деятелей. Он имеет все основания гордиться своей трехвековой историей, начатой Петром Первым.

Мария Иванова,
сектор краеведения
Библиотеки им. Л. Н. Толстого

■ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

КОРОЛЬ АДВОКАТУРЫ

Автор первого русского учебника по уголовному праву, блестящий преподаватель, «апостол либерализма», историк литературы... Все это — о Владимире Даниловиче Спасовиче (1829–1906). Имя его во второй половине XIX века буквально гремело по России.

Спасович окончил Петербургский университет со степенью кандидата права в 1849 году. Его диссертация «О правах нейтрального флага и нейтрального груза» принесла ему европейскую известность. В 28-летнем возрасте Спасович стал профессором.

«Нет профессии мне больше по душе, как профессорская на пользу студентов», — утверждал Спасович. Но после студенческих волнений 1861 года вместе с другими профессорами и ректором П. А. Плетневым подал в отставку, поскольку считал, что «полицейские обязанности не входят в круг деятельности профессором».

В 1863 году из печати вышел первый русский «Учебник уголовного права».

Спасович, как его автор, получил степень доктора права. Однако вскоре комиссия Министерства народного просвещения исключила книгу из учебных пособий как «подрывающую начала, на которых зиждется общественное устройство». Самого автора было велено отстранить от преподавания.

Он одним из первых подал заявление о приеме его в присяжные поверенные петербургского судебного округа и стал адвокатом в 1866 году, спустя два года после Судебной реформы.

Дела, которые вел Спасович, неизменно вызывали большой интерес. В частности, он обеспечивал защиту подсудимым по политическим делам нечаевцев, долгушинцев, «50-ти», «193-х»,

«20-ти», «17-ти», «14-ти», польской партии «Пролетариат», «21-го», «22-х» и других. Громкий резонанс вызвала его защита по делу Кроненберга, которое послужило Ф. М. Достоевскому материалом для главы «Прелюбодей мысли» в романе «Братья Карамазовы» (именно

И. Е. Репин. Портрет Владимира Спасовича. 1891 г.

Спасович был прототипом Фетюковича), а М. Е. Салтыкову-Щедрину для статьи «Отрезанный ломоть». Спасович построил защиту так, что отец-истязатель был оправдан присяжными заседателями и отправился домой вместе с ребенком, поскольку его «плохая педагогика» не могла быть основанием для приговора.

На всю Россию прогремели и «Тифлисское дело», и «Дело купца-поджигателя»...

«Мы рыцари слова живого, более свободного ныне, чем в печати», — считал В. Д. Спасович. О нем говорили И. А. Гончаров и Ф. И. Тютчев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Кони. Объединяет их характеристики признание высочайшего профессионального мастерства: «талант из ряда вон», «самый солидный и дельный из ныне действующих адвокатов», «своеобразный, глубокий, талантливый представитель адвокатуры».

В 1892 году Владимир Спасович перенес инсульт, в 1902-м перебрался в Варшаву, где через четыре года скончался.

Подготовила Татьяна Носова